

М.А. Дмитриев

О п а л и х а ,

16 февраля 1684 года дворянин Семён Дмитриев, бывший воевода Пензы, получил три похвальные грамоты с пожалованием немалого количества земель, а именно: за службу отца его, Константина Арефьевича; за храбрость против турок и татар оказанную; за охранение царских особ при бывшем в Москве мятеже и за неотлучное пребывание при государях в селе Коломенском, в Савине монастыре в селе Воздвиженском и в Троице-Сергиевском монастыре. Имелся в виду второй стрелецкий бунт – так называемая «хованица» 1682 года. Тогда Семён Дмитриев охранял царевну Софью и царя Петра Алексеевича, которому предстояло стать Петром Великим.

она же Покровское

Через 10 лет Семён Константинович стал уже стольником и получил ещё одну похвальную грамоту «за службы предков его и отца его...». Это была высокая награда, ведь в те годы не знали ещё ни орденов, ни медалей. Вместе с такими грамотами давались земли, которые обеспечивали не только награждённого, но и потомство его.

Так случилось, что пожалованные земли находились в основном в Симбирской губернии. Родовое имение Семён Дмитриев построил в Сызранском уезде (ныне Самарская область). А в даче по реке Юшанке, что в Симбирском уезде, появилось село Покровское Дмитриевское, в просторечии Опалиха.

От неё – два десятка вёрст до городка Тагая. Там в 1653–54 годах исполнял обязанности городского главы его отец Константин Арефьевич. Тот Опалиху уже не увидел.

А Семёну Константиновичу доведётся в 1708–1709 годах быть воеводой города Симбирска, а в 1715–1716 годах – комендантом города Сызрань.

Человек он был, как отмечали современники, «благочестивый и к церкви Божьей усердный». Основал Благовещенский монастырь и при нарочно устроенной при приделе Св. Иоанна Богослова каменной келье (на двух квадратных сажнях)

провёл последние годы жизни. Замечу, кстати, что и новая церковь в Опалихе называлась в честь этого же святого.

Шли годы. Сменялись поколения. Хозяином имения был Яков Семёнович (1675–1727), бывший воеводой Сызрани, его сын Гавриил Яковлевич, потом Иван Гаврилович (1736–1818), бывший в 1780 году симбирским городничим, а позднее, уездным предводителем сызранского дворянства.

Его сестра Авдотья Гавриловна была второй женой Михаила Егоровича Карамзина, мачехой будущего историографа.

У Ивана Гавриловича было много детей. Три дочери, Анна, Надежда и Наталья, так и не обзавелись семьями. Судьбы пяти сыновей сложились по-разному. Фёдора в занятой французами Москве убили поляки в 1812 году, его дочерей Катю и Софью взяли на воспитание тётки, перенеся на них неистраченную любовь. Александр состоял на военной службе. Впрочем, служба тяготила его, и он с большим удовольствием писал стихи, переводил. В 1798 году его полк был направлен в Екатеринбург, где он, заболев, скоропостижно скончался (о его осиротевшем сыне Михаиле расскажу дальше). Через три года умрёт сын Николай, и семейство тётушек пополнится ещё одной сироткой, Лизой.

Блестящую карьеру сделает младший Иван. Судите сами: обер-прокурор Сената, министр юстиции, председатель комиссии для оказания помощи жителям Москвы, пострадавшим от нашествия французов. К тому же поэт, баснописец, друживший с Державиным, Карамзиным. В Покровском, далеко находившемся от родового имения, он вряд ли бывал. Здесь жизнь была скучнее. Не случайно сюда селили опальных, проштрафившихся крестьян. Оно и называться-то стало Опалихой.

Написать о ней суждено будет Михаилу Дмитриеву, о котором уже упоминалось, – он в какой-то степени также попал под опалу.

К сожалению, мало кто помнит и знает Михаила Александровича Дмитриева, хотя нет ни одной литературной энциклопедии, где бы не было отдельной статьи о нём. В XIX веке его известность была куда более широкой. Для примера приведу строки известного историка П.И. Бартенева, опубликованные 10 сентября 1866 года в «Московских новостях»: «5 сентября скончался в Москве на 71 году от рождения один из старейших наших писателей, действительный статский советник Михаил Александрович Дмитриев, (...) М.А. Дмитриев некогда служил и в 40-х годах, с неуклонною честью занимал важное место обер-прокурора

в 7-ом московском департаменте Правительствующего Сената: но в общем итоге его жизни гражданская служба почти незаметна по сравнению с тем служением русской словесности, ко- ему он посвятил себя с молодых лет и до старости, до последних месяцев и даже дней своих».

Особый разговор о его литературных воззрениях, о его бескомпромиссных спорах с Пушкиным и Белинским. Можно с ним во многом не соглашаться или не принимать его произведений. Но нельзя не огорчаться тому, что критические замечания в его адрес Пушкина или Белинского стали причиной непубликации его произведений, особенно его мемуаров. Последнее десятилетие сняло эту опалу, отрывки «Глав из воспоминаний моей жизни», написанные в 1863 году, стали появляться в журналах и альманахах. Два года назад они изданы полностью. Нельзя не согласиться с авторами вступительной статьи К. Боленко и Е. Ляминой, что мемуары Дмитриева на редкость проникновенные, исполненные глубочайшей преданности литературе, временами безупречные; с точки зрения языка и стиля».

Опала закончилась, и появилась возможность прочесть его воспоминания об Опалихе и Симбирске 1818 года.

«Никогда не забуду приятных дней, там мною проведённых! Домик был невелик, комната моя маленькая и на солнце, но свобода, досуг, вечерний чай на крыльце, в прохладе, и занятия, и прогулки – всё по сердцу!

Здесь я принялся опять переводить из Делиля и некоторые басни Флориана... Более всех из поэтов я читал в это время Шиллера. Когда, после обеда, слишком отягощал жар солнца, я уходил лежать в парусиновой походной палатке, принадлежащей моему отцу и расставленной перед окнами.

Вечером, когда свалит жар, мне седлали белого коня, и я облетал окрестности. Любя всегда волю, я по этой причине любил и верховую езду: как только я садился на лошадь, мне казалось, что у меня вырастали крылья! – Не имея нужды трудить ноги, я быстро, по одному желанию, по мелькнувшей мысли и по одному движению руки, переносился, куда не переходил своими ногами. В верховой езде я находил всегда что-то поэтическое: чувствуешь себя и выше,

и сильнее, и свободнее других: что-то как будто героическое!

Чаще всего ездил на холм, отстоявший в нескольких верстах от Покровского. С него виден был весь Симбирск, как на блюдечке. Вообще надобно сказать об этом городе, что как он некрасив, однообразен и скучен внутри, так великолепно смотрит издали. Я не мог налюбоваться этой картиной, этой живой панорамой домов, церквей и зелени. К этому удовольствию глаз присоединялось и чувство: там жила Наташа, глядя на эту картину города, я думал об ней. Особенно же я не забывал туда ездить в те дни, когда посылали в Симбирск на почту и за получением писем, а дорога шла мимо холма: я с нетерпением ждал, не встречу ли посланного и не будет ли записочки от Наташи... О молодость! о живые сердца! о сила жизни! Почти со слезами вспоминаю я это время: дай мне теперь то же самое, оно не только не произвело бы никакого трепетания сердца, но было бы в тягость!

Всё это, всю жизнь в Покровском описал я в послании «К московским друзьям из Симбирска»... Оно начинается так: «Желать ли мне, друзья, в столицу возвращаться...». Там описаны и Шиллер... и тесная комната, и шатёр, и верховая езда. Это послание – одна из лучших страниц моей жизни.

В Покровское приезжала к моим тёткам погостить их двоюродная сестра Марфа Михайловна Философова (сестра Карамзина) с дочерью Надинькой... Мы были с ней очень дружны и пользовались до усталости прогулками пешком по окрестностям Покровского. Местоположение было плоское: но оно было окружено небольшими рощами, как будто одна от другой и довольно далеко от деревни, но все до одной были на виду и представляли издали как будто подобие английского сада. Ныне говорят, они все вырублены на дрова.

Вспоминая то, нельзя не благодарить Природу, что она так легко посылает наслаждения в молодости: всё перед тобою; только наслаждайся. – А, кажется, чем? – Всё то же, что и теперь, можешь видеть: да сам-то был не тот!»

В Опалиху молодой Дмитриев попал в 1818 году почти сразу после кончины деда Ивана Гавриловича.

Опалиха была разделена между Натальей Ивановной и тремя внучками покойного: Катей, Софьей и Лизой. Через несколько лет Катя и Лиза сбегут с двумя гусарами, Матюниным и Нефедьевым, повергнув тётушек в уныние и печаль своей неблагодарностью.

Лиза выйдет замуж за Петра Сергеевича Пазухина, двоюродного племянника Н.М. Карамзина. В своих воспоминаниях Михаил Александрович нарисует его весьма неприглядный портрет: «Бледный, криворотый, с разбегающимися в сторону глазами, от которого пахло трубкой и даже водкой, хотя он тогда ещё не был пьяницей, он усовершенствовался после».

Очень бурным стал для Опалихи 1861-й год. Крестьяне получили наделы. Оставшуюся за наделом крестьян землю Наталья Ивановна продала дочери Михаила Александровича – Софье (в замужестве Насакиной), а сама ушла в Лужицкий монастырь около Можайска. Село разделилось на два «самостоятельных общества». Крестьяне правой стороны (по течению реки), принадлежавшие Е.Н. Пазухиной, стали владеть более чем полным наделом земли: на 83 души – 368 десятин. А левосторонние жители на 133 ревизских души получили лишь 177 десятин. Начались волнения. Для водворения порядка была введена рота солдат.

Через четыре года умерла Елизавета Николаевна, завещав свою часть сыну Михаила Александровича, Фёдору Михайловичу, профессору Московского университета (1829–1894). Таким образом, воспетое ранее М.А. Дмитриевым Покровское стало принадлежать его детям.

Сегодня не найти в селе заметных сохранившихся примет бывшей усадьбы. Так получилось, что и само село угасает с каждым годом: там осталось с полсотни домов.

Впрочем, Опалихой считается лишь то поселение, что расположено по правую сторону Юшанки. Левобережная же сторона расстроилась, превратившись в новый посёлок, которому дали безликое название Безречный. Карта литературных мест Ульяновской области пополняется незаслуженно забытой Опалихой.

Владимир Кузьмин

